

РИНАТ
ВАЛИУЛЛИН

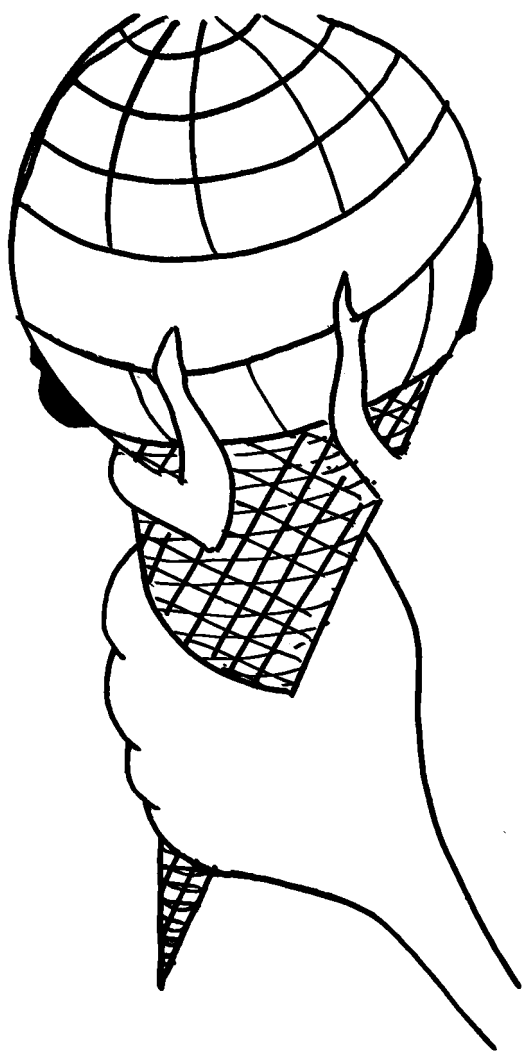

СОСТОЯНИЕ –
ПИТЕР

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

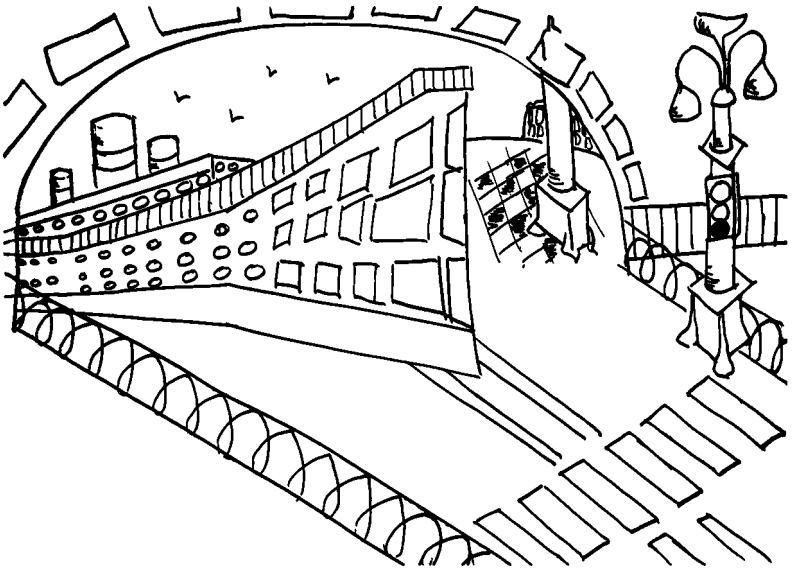
В Питер стекались те, у кого с удачей была напряженка. Им казалось, что приехать сюда стоило только ради того, чтобы тебе фартило всю оставшуюся жизнь. Они еще не знали, что совсем скоро Питер проникнет в их дом, в их постель, он будет все время рядом; куда бы они ни уезжали от этого города, он будет сидеть у них под кожей, как у героев этой истории, где отношения на завтрак, обед и ужин не только со вкусом белых ночей, но и с привкусом серых будней.

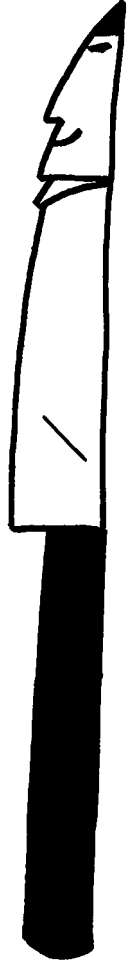
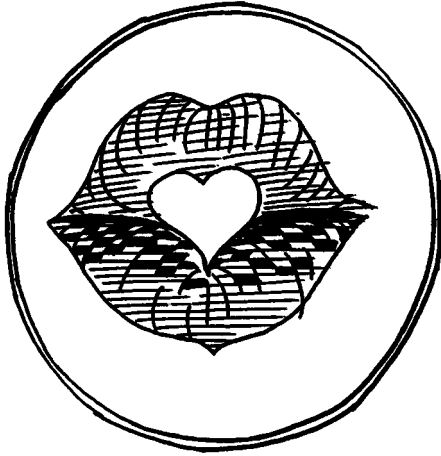
— *Есть что-нибудь для души?*

— *Есть. Питер.*

Питер, в него влюбляются с первого взгляда. Со второго хотят остаться. С третьего пытаются понять, с четвертого начинают жить вместе, с половины пятого и допоздна ищут здесь себя и своего человека независимо от погоды и цвета ночи. Очень трудно найти себя именно в Белые ночи. А все эти разговоры, про болото на котором стоит город, сырой, промозглый, серый, можно поставить на мраморный постамент и перевести как морской, загадочный, умный, серого вещества здесь действительно хватает. Где ни копни — культурный слой: дом за домом, улица за улицей, площадь за площадью. За ними внимательно присматривает Нева. Ее бурный характер не дает расслабиться. Она гля Питера вроде любящей жены, и любовницы, и музы в одном гранитном флаконе набережных и мостов. Она, как любая мудрая женщина, не ведется на всякого рода разводки и умеет вовремя навести мосты. Нева знает, что Питер необходимо вдохновлять, чтобы он действовал.

Часть 1

Холодные закуски

До встречи со своей женой я целовался с одной красивой девушкой. В парках, в подъездах, в машине, в метро. Потом эта девушка неожиданно выходит замуж, будто выходит из моды. Даже если замуж за тебя. Поцелуев становится заметно меньше, все больше они приобретают характер бытовой, традиционный. И этот момент надо отслеживать, менять сферы влияния, благо волнительных сфер у женщин хватает. Просто переход на другой уровень. Нет смысла все время торчать в пентхаусе, надо уметь спускаться в самые подвалы удовольствий. Это непросто, но действует безотказно.

Вообще, с женщиной никогда не было просто, если с ней просто, значит, это не твоя женщина. А вот с работой ровно наоборот,

с некоторых пор я занимаюсь тем, что делает меня счастливым. Иначе нападает хандра, лень, сомнения. Лучше этот момент переспать, чем накосячить, а потом исправлять. Лучше проспать то время, которое может сделать тебя несчастным. Тем более неудобно, когда исправлять приходится другим. Это совсем не значит, что дела всегда идут хорошо. Дела не могут всегда идти хорошо, чаще они просто идут, а иногда им нужно постоять, перевести дух.

Примерно до тридцати я жил как бессмертный. Некоторые живут так всю жизнь. Такие обычно чего-то ждут. А ждать оказывается не надо, надо идти навстречу. Осознание этого и есть подготовка к старту. В лучшем случае жизнь меняется после тридцати. В худшем — после сорока и позже. Вариантов немного: либо ты фишка в чужой игре, либо отстраняешься и придуываешь свою. Если все меньше интереса к пассивному спортопровождению и вездесущей политике, значит — ты на верном пути. В этих баталиях — я чужой. Мне надоело болеть за других. Здоровье жалко. Все

больше меня интересует только одна экстремальная игра.

Жизнь самый большой экстрим, потому что одна, что бы ты ни делал, ты рискуешь... разочароваться. Мои родители из рабочих, они верили в коммунизм, а может быть, делали вид, что верили, потому что не верить было опасно. Однажды в детстве, когда я закрасивал Ленина на газете «Правда», меня напугали, что за это сажают в тюрьму. Не посадили, но осадок остался. До сих пор считаю всех политиков и чиновников мошенниками и лжецами. Хотя они, конечно, считают иначе, но в свой карман.

Я всегда жалею, что бросил музыкальную школу и не стал пианистом или, хотя бы, рок-музыкантом. Музыка — великое состояние, в нем можно жить, переживать, можно пережить любое дерьмо, не только свое, но и чужое.

Родился я в прошлом веке. Родился на Урале мальчик, с характером как у знаменитых гор, пологих и спокойных. Там, где я рос романтиком, жили рядом зеки и работяги. А те зеки, что выходили на волю, оставались в

нашем городке. Его окружало четыре зоны, которые так и не смогли взять в плен — таких ребят, как я, чьим главным талантом было не только умение махать кулаками, но и отвечать за свои слова. К концу школы я почувствовал, что вырос из этого города, родные двory мне стали малы. Я вышел из провинциального плена и попал в Питер, в плен интеллектуальный.

Я вошел в него через парадный вход, через Арку Главного Штаба. Зимний напомнил мне чем-то Дворец Культуры «Нефтехимик», только культуры катастрофически больше, по крайней мере, на улицах Питера, помимо достопримечательностей никто не цеплялся.

Умение граться пригодилось позже, после призыва в Армию. Армия — явление многонациональное и погневольное. Это был хороший опыт, челюстно-лицевой, в одной пробирке ты, твоя гордость, ум, честь... все это смешивается с чьей-то наглостью, напором и хамством. В идеале после взбалтывания трусость выпадает в осадок. Дерьмо всплывает. В этом заключался опыт. Но не только. Если раньше я знал кучу способов,

как ввязаться в граку, то теперь я знаю, как в нее не вляпаться.

Вместо того чтобы стать знаменитым, занимался вот этим. Можно назвать это наблюдением. Когда-то я хотел быть знаменитым, а может, все еще хочу. Но время уходит. Все чаще мне кажется, что мы с ним идем в разных направлениях. Молодежи сегодня, как и той, что уже состарилась, остро не хватает перемен: политических, экономических, внутренних, каких угодно. Взрослым просто не хватает. Всем навязывают ценности, цены на которые диктует власть. «Не хватает» становится нашей формой существования.

Сегодня большой спрос на оптимизм, стараюсь следовать правилу: не надо принимать близко к сердцу то что получилось через ж... Прошлое не счастливее, но выглядит веселее, чем настоящее. Это факт. Сейчас приходится веселить себя самому. Не то что вчера, которое вспоминается с юмором. И даже то, что город и внешне был ближе к Петербургу Достоевского, и внутренне — к «Преступлению и наказанию», не лишало его